

УДК 12

СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

О.Б. СКОРОДУМОВА

В статье рассматриваются новые тенденции воздействия на общественное сознание в условиях информационных войн. Раскрывается содержание понятия «информационная война» и анализируются причины широкого распространения такой стратегии информационной войны, как применение «мягкой силы». В работе раскрываются особенности данной стратегии, показана значимость социокультурных факторов при ее применении. В статье дается анализ новых факторов применения стратегии «мягкой силы» в контексте ее социокультурной обусловленности.

Ключевые слова: информационная эпоха, информационные войны, стратегия «мягкой силы», глобализация, геополитика, социальные сети, социокультурные факторы.

В информационную эпоху развитие средств коммуникации достигает такого уровня значимости для социума, что решение любой экономической, политической или социальной проблемы невозможно без их использования. В связи с этим в рамках межгосударственных взаимоотношений на первый план выдвигается новая стратегия решения как геополитических проблем, так и вопросов отстаивания национального суверенитета. Жизнь социума в большинстве современных стран активно вовлечена в виртуальную среду Интернета. Социальные сети стали аналогами транснациональных корпораций, но только в сфере общения. Их мониторинг позволяет не только исследовать и прогнозировать изменения в обществе отдельных стран, но и стимулировать эти изменения в заданном направлении. Такие стратегии получили название «мягкая сила» и рассматриваются как наиболее перспективные в современную эпоху. В данной работе ставится задача исследования их социокультурной обусловленности, анализа особенностей их применения в условиях информационных войн.

На ранних стадиях развития сети Интернет возник целый ряд утопических проектов единения человечества на принципиально новой основе абсолютно свободного социума. Наиболее ярким примером подобного рода подхода является так называемая «калифорнийская идеология», провозглашенная такими представителями американской технической элиты, как Барбук Р., Камерон Э., Барлоу Дж. и др. [6].

Они утверждают, что с возникновением Глобальной сети Интернет формируется новая коммуникационная среда, позволяющая создать новый тип «постгуманистического общества». Достаточно оптимистические прогнозы относительно возможностей Глобальной сети Интернет как средства гуманизации общества, развития демократии и свободы характерны и для Всемирного саммита по информационному обществу, прошедшего в Женеве в декабре 2003 г., где говорилось об открытости, доверии и равном доступе к информации и знанию, о необходимости поддержания культурного разнообразия и культурной самобытности, о создании безопасной благоприятной виртуальной среды и развитии этического потенциала средств массовой коммуникации, в частности Интернета. С середины 1990-х гг. начались интенсивные исследования влияния и использования Интернета для оказания психологического давления и манипулирования сетевым мнением в заданных целях [4].

До середины 90-х гг. XX в. развитие Глобальной сети Интернет оценивалось с количественной точки зрения, во многом обусловленной авторитетом и влиянием Клода Шеннона, который абстрагировался от качественной оценки информации. К. Шеннон рассматривал только одну форму информации – сообщение, абстрагируясь от сведений, которые связаны со смыслом. Информация понимается им как количество сообщений, измеряемое в «битах» и определяемое как вероятности частотности символов. Отвлечение от

качественных характеристик информации было обусловлено потребностями теории связи и установкой на рассмотрение информации как части физического мира наподобие энергии или вещества. Дальнейшие исследования феномена информации показали, что наиболее значимой является ее смысловое содержание. Встала проблема демаркации конструктивной информации, способствующей развитию, гуманизации общества от деструктивной, направленной на формирование агрессивных действий, стремления к удовлетворению низменных потребностей, извращенного вкуса и т.п.

В научно-исследовательской литературе осознаются новые возможности информационного воздействия Глобальной сети и ведения информационных войн [8]. Информационно-психологические войны велись всегда, достаточно вспомнить китайские приемы психологических атак путем коллективных самоубийств перед строем вражеских воинов, планомерное уничтожение символики традиционных богов во время реформы Эхнатона в Египте, проведение и трансляции по радио футбольных матчей в осажденном Ленинграде и т.п. Но только при возникновении Глобальной сети Интернет возникли принципиально новые возможности обработки общественного сознания в заданном направлении в кратчайшие сроки и в очень больших масштабах. Не случайно само понятие «информационная война», введенное в научный оборот в 1976 г. Томасом Рона, хронологически совпадает с формированием Интернета как Глобальной сети. В тот период еще доминируют количественные подходы как к трактовке информации, так и к пониманию информационной войны. Информационные войны определяются количеством и эффективностью хакерских атак, числом созданных или обезвреженных вирусных программ, программных закладок, фальсификации информации в каналах связи и т.п.

И только к концу 90-х гг. XX в. намечается отход от количественных оценок и осознание необходимости исследования как самого понятия информации, так и понятия «информационная война» в ценностно-смысловом контексте. Аксиологическая сторона информации выходит на первый план. На это обращает внимание Кузьменко Г.Н. [7], утверждая, что ценностная сторона информации наиболее значима в современном обществе. Информация определяется теперь с точки зрения единства сведений и сообщений, при ее оценке делается акцент на связь информации с управлением, воздействием на сознание человека в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик. Информационная война начинает рассматриваться не столько с технической точки зрения, сколько в контексте психологической обработки населения с целью дестабилизации общества и государства с использованием возможностей новых информационных технологий. Особое внимание уделяется созданию определенного имиджа той или иной страны.

В качестве примера можно привести документальный фильм французского режиссера Жан-Марсиаль Лефрана «Киберпартизаны, хакеры, пираты и тайные войны», выпущенный в 2008 г. и рассказывающий о современном ведении информационных войн. Сама подача материала в этом фильме, несмотря на его документальный характер, построена таким образом, что американские военные выглядят доблестными рыцарями, борющимися с темными силами компьютерных террористов всего мира, сами же американские хакеры творческие люди, занимающиеся взломом ради шутки, а вот китайцы и русские – корыстные и злобные злодеи, готовые на все ради денег. Таким образом, фильм, претендующий на научную объективность в освещении информационных войн, сам становится информационным оружием в руках его создателей.

Анализ понятия «мягкой силы» наиболее подробно разработан в американской социально-философской и политологической традиции. В своих работах Джозеф Най [9; 12; 13] рассматривает «Soft Power» («мягкую силу») как один из наиболее эффективных способов отстаивания своих интересов и нанесения ущерба противнику в современных условиях ведения информационных войн. В широком плане «мягкая сила» представляет собой форму осуществления политической власти, достижения желаемых политических результатов на основе создания собственного привлекательного имиджа и целенаправленного разрушения

подобного имиджа у противника. Особенность данного подхода состоит в том, что победа над противником достигается либо силами самого противника, либо анонимным агентом киберпространства. Дж. Най обращает внимание на то, что события, происходящие в виртуальном киберпространстве, могут иметь реальные последствия в физическом мире. Так, например, в своей статье 2012 г. «Кибервойна и мир» он приводит пример с киберчервем «Stuxnet», поразившим компьютерные системы, обслуживающие ядерные программы Ирана. Специалисты антивирусной лаборатории Е. Касперского, исследовав червя Stuxnet, пришли к выводу, что наступает время широкомасштабных виртуальных войн и кибертерроризма. Не меньшее значение, чем использование вирусов, имеет и распространение собственного культурного влияния и разрушение национально культурной идентичности противника. В аналитическом отчете одного из независимых английских научно-исследовательских институтов [11], посвященном анализу возможного использования «мягкой силы» и разработке индекса «мягкой силы» для ведущих стран мира, особое внимание уделяется таким факторам, как культура, дипломатия, образование, бизнес-инновации. По данным 2011 г. по использованию «мягкой силы» лидируют США. В первую пятерку помимо США входят Великобритания, Франция, Германия, Австралия. Успех США во многом объясним широким распространением американской массовой культуры. Американская традиция привлекать в свои университеты крупных ученых со всего мира создает иллюзию, в соответствии с которой все нобелевские лауреаты – американцы. Интернет, являясь международной Глобальной сетью, в своем развитии опирался на разработчиков и программистов со всего мира. Тем не менее целенаправленно проводится идея, что он чисто американское изобретение, и все, что с ним связано, например, социальные сети, тоже типично американское достижение.

Активная колониальная политика западноевропейских стран и противоречия, возникающие при взаимодействии с аборигенным населением на американском континенте в XIX в., породили потребность в научных исследованиях культуры, быта и образа жизни местного населения. Возникает антропология как самостоятельная наука, опирающаяся на полевые исследования, целью которых была выработка рекомендаций по эффективному взаимодействию и ассимиляции колонизированных территорий. Во второй половине XX - начале XXI вв. возникает потребность в исследовании культурных традиций и менталитета с целью решения геополитических проблем. Наиболее успешным примером использования «мягкой силы» является тактика и стратегия США при ведении информационной войны против СССР, подробно описанная в монографии И.П. Панарина «Информационная война и коммуникации» [10]. Тщательная проработка (в США исследованием различных сторон жизни граждан СССР занимались более 170 научно-исследовательских институтов) уязвимых мест русского менталитета, склонного к раскаянию, а в отдельных случаях и к самоубийству, позволили создать, в условиях полного отсутствия цензуры, установки правительства на всевластие рынка, образ негативной идентичности. Наиболее рельефно он отражен в работах Л. Гудкова [3], у которого базовые черты криминальной субкультуры распространяются на все российское общество. Эти особенности действительно характерны для криминальной субкультуры, а именно: жесткая иерархическая система, безоговорочное подчинение лидеру, пренебрежение индивидуальностью, зависимость и чувство страха перед расправой, резко заниженный статус рядового члена, всеобщая ненависть и недоверие. Л. Гудков приписывает их всему российскому социуму. С его точки зрения, базовыми чертами русского менталитета является внутренняя неприязнь и в то же время зависимость от враждебного «Другого». В понятие «Другого» автор вкладывает предельно широкое содержание. Это и партнер, и сосед, учитель, сотрудник, любовник и т.д. При таком подходе любой человек воспринимается неполноценным, в большей или меньшей степени – негативным, враждебным и агрессивным. Традиционная культура с ее ценностями, особенности национального характера высмеиваются как неполноценные. По его мнению, доминирующими факторами, формирующими социальное поле России, являются неприязнь и ненависть. «Склока» является базовой основой

социальности на всех уровнях, начиная с семьи и кончая политикой. Все социальные статусы предельно занижены, что разрушает мотивацию достижения, мобильности, активности. Л. Гудков утверждает, что подобная система идентификации закреплялась государством через систему образования и воспитания, обычаи и традиции. Государство выполняет репрессивную функцию, играя роль общего «мы» по отношению к конкретному «обычному человеку», неудачнику. Это ведет к ликвидации многообразия групп и дифференцированных систем. По мнению автора, система понижающей идентификации опирается на запросы городского люмпена, его моральные оценки и стандарты поведения. Третируются все виды творческой активности, допускается лишь организационно-рутинные или технологически-инструментальные действия. Возникает тип человека, существование которого становится атомизированным и изолированным одиночеством. Поведение такого человека основывается на демонстративном хамстве, употреблении ненормативной лексики, открытом неуважении к другим. В то же время весь пласт самобытной восточно-славянской культуры, начиная с Киевской Руси и кончая современными достижениями, остается незамеченным.

Подход Л. Гудкова является ярким примером применения стратегий «мягкой силы» в современных условиях против своей же страны. Распространение выводов, полученных относительно маргинальной субкультуры на российскую культуру в целом, возможность популяризации через средства массовой информации подобного рода идей свидетельствуют о существенных недоработках и отставании России в использовании стратегий «мягкой силы». И действительно, по официальным данным международного рейтинга Россия находится на 28 месте по использованию «мягкой силы». Тем не менее постепенно осознается необходимость создания положительно имиджа не только русской культуры и русского народа, но и всего славянского мира в целом.

На базовые ценности восточно-славянского мира и их потенциальную значимость для человечества в целом обращают внимание такие крупнейшие исследователи, как, например, Ж. Аттали. Глобальный экономический кризис, охвативший наиболее развитые страны мира в 2008 г., привел к осознанию краха индивидуалистических западных ценностей и востребованности новых коллективистских ориентиров уже в масштабах всего мира. С точки зрения Ж. Аттали [1], глобальный экономический кризис привел также и к кризису социальному, идеологическому и политическому. Анализируя причины кризиса, Ж. Аттали отмечает, что их нельзя объяснить ни классовыми противоречиями, ни ссылками на объективный характер глобализации или с помощью субъективистского подхода о наличии «заговора Вашингтона». Действительными причинами кризиса, по Аттали, является углубление социального неравенства, разрыв между богатством и бедностью и формирование особой группы людей – финансово-экспертной олигархии (в его терминологии «посвященных»), которая владеет данными аналитической информации и манипулирует ими в спекулятивных целях [1, с. 166]. Для так называемых «посвященных» характерны жизненные установки, где доминируют «апология личной свободы», и в то же время традиционные ценности, связанные с понятиями совести, долга, верности, отсутствуют. Опасность состоит в том, что данные ориентиры прививаются и внедряются в массы. Формируется установка, что все ненадежно, непрочное, обратимо, следовательно, нужно жить интересами одного дня. Правовое пространство становится фикцией. Возникает глубокое противоречие между рынком и демократией. Ж. Аттали считает, что в силу глобального характера современных экономических процессов отдельному государству вряд ли удастся обуздать аппетиты финансовой олигархии. Необходимы независимые контрольные органы в мировом масштабе. Независимая контролирующая система общемирового масштаба, по мнению Ж. Аттали, могла бы обеспечить равный доступ граждан к информации, создать эффективную правовую систему и контролирующую ее исполнение структуры. При этом возникает потребность в новом мировоззрении, основанном на принципе доверия. Подобного рода задачи требуют и нового восприятия мира, основанного не на культе неолиберальной индивидуальной свободы, а на

отражении общности интересов. Таким образом, становятся востребованными идея соборности, стремление к отзывчивости, прощению, характерные для христианского мировоззрения.

Подводя итоги, следует отметить, что в обострившейся ситуации информационного противостояния, связанной во многом с событиями на Украине и терактами во Франции в 2014-2015 гг. создание положительного имиджа России приобретает стратегически важное значение. Обращение к традициям и ценностям русской культуры, проведение целенаправленной политики воспитания у молодежи чувства гордости за свою страну и ее историческое прошлое становится одной из первостепенных задач. Базовые ценности христианской культуры в своей основе не противоречат ценностям классического ислама, и та и другая религии имеют общие корни. Идеи коллективности, соборности, доверия, понимания того, что объединяет культуры, а не разделяет их, становятся значимыми и могут быть использованы в рамках стратегий «мягкой силы», что является актуальной задачей для России в современной геополитической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттали Ж. *Мировой экономический кризис... А что дальше?* СПб.: Питер, 2009. 176 с.
2. Гаранина О.Д. Феномен социальной памяти в духовной эволюции общества // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 43- 49.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. *Постсоветский человек и гражданское общество*. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
4. Кара-Мурза С. *Манипуляция сознанием-2*. М.: Эксмо, 2009. 528 с.
5. Коваль Т.И. Социальные риски как элемент общества знания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8-2. С. 107-109.
6. *Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. Антология* / сост. П. Ландау. М.: Ультра, Культура, 2005. 239 с.
7. Кузьменко Г.Н., Евреева О.А. Базовые аксиологические модели социально философского знания // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009. № 6. С. 111-114.
8. Лисичкин В., Шелепин Л. *Война после войны: Информационная оккупация продолжается*. М.: Эксмо, 2005. 224 с.
9. Най Дж. С. *Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике*. Новосибирск-М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
10. Панарин И.Н. *Информационная война и коммуникации*. М.: Горячая линия-Телеком, 2014. 236 с.
11. Jonathan McClory. *The new persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii> (дата обращения 02.10.2014).
12. Joseph S., Nye Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. July/August. 2009.
13. Joseph S., Nye Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Pp. 67-79.

THE STRATEGY OF «SOFT POWER» AND ITS IMPORTANCE IN THE MODERN ERA

Skorodumova O.B.

In the article new tendencies of impact on public consciousness in the conditions of information wars are considered. The content of the concept "informational war" is being revealed and the reasons of a wide circulation of such information war strategies as application of "the soft power" are analyzed. In this work the features of this strategy are revealed, the importance of sociocultural factors is shown in its application. In the article the analysis of concrete strategy of "the soft power" in a context of their sociocultural conditionality is given.

Keywords: information era, information wars, strategy of "the soft power", globalization, geopolitics, social networks, sociocultural factors.

REFERENCES

1. Attale G. *Mirovoy ekonomicheskiy krizis... A chto dalshe?* SPb. 2009. 176 p. (In Russian).

2. **Garanina O.D.** Fenomen social'noj pamjati v duhovnoj jevoljucii obshhestva. *Nauchny Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 43-49. (In Russian).
3. **Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkay N.A.** *Postsovetsky chelovek i grajdanskoe obshestvo*. M.: Moskovsky chkola politicheskikh issledovany. 2008. 96 p. (In Russian).
4. **Kara-Murza S.** *Manipulyciy soznaniem-2*. M.: Aksmo. 2009. 528 p. (In Russian).
5. **Koval T.I.** Social'nye riski kak jelement obshhestva znaniya. *Istorichesky, filosofsky, politichesky i uridichesky nauki, kulturology u iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki*. 2011. № 8-2. Pp. 107-109. (In Russian).
6. *Kriptoanarhy, kibergosudarstva i piratsky utopii. Antology*. M.: Ultra, Kultura. 2005. 239 p. (In Russian).
7. **Kuzmenko G.N., Evreeva O.A.** Bazovye aksiologicheskie modeli social'no filosofskogo znaniya. *Uchony zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo socialnogo universiteta*. 2009. № 6. Pp. 111-114. (In Russian).
8. **Lisichkin V., Shelepin L.** *Voyna posle voyni: Informazionny okkupazy prodoljaetsa*. M.: Aksmo. 2005. 224 p. (In Russian).
9. **Nay Dj. S.** *Gibky vlast. Kak dobitsa uspeha v mirovoy politike*. Novosibirsk-M.: Fond socio-prognosticheskikh issledovaniy «Trendi». 2006. 224 p. (In Russian).
10. **Panarin I.N.** *Informacionny voyna i kommunikazii*. M.: Gorachy liny-Telekom. 2014. 236 p. (In Russian).
11. **Jonathan McClory**, *The new persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power*. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii> (accessed 02.10.2014).
12. **Joseph S., Nye Jr.** Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*. July/August. 2009.
13. **Joseph S., Nye Jr.** Public Diplomacy and Soft Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Pp. 67-79.

Сведения об авторе

Скородумова Ольга Борисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1982), доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии РГСУ, автор 120 научных работ, область научных интересов – социальная философия.